

Горностаев Михаил Викторович,

*соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени Московского
государственного областного университета*

Ф. В. Ростопчин и М. И. Кутузов: взаимоотношения двух главнокомандующих в 1812 году

Начиная исследование жизни и деятельности Ф. В. Ростопчина, я сразу же обратил внимание на два странных, – на мой взгляд, обстоятельства:

во-первых, Москва была оставлена по приказу Кутузова, но историками вина за это трагическое событие во многом возложена на Ростопчина, являвшегося ревностным сторонником обороны города;

во-вторых, Ростопчин не был приглашен на Военный совет 1 сентября, на котором решилась судьба Первопрестольной, что противоречит логике. Почему не было выслушано мнение высшего государственного чиновника, лучше других знавшего возможности обороны города и все еще имевшего значительное влияние на москвичей, наконец, генерала от инфантерии?

В дальнейшем, в процессе работы у меня появился еще целый ряд вопросов относительно взаимоотношений Ростопчина и Кутузова, что и побудило плотнее заняться данной проблемой.

Следует отметить, что если Кутузов и поныне является национальным героем России, то личность Ростопчина сегодня практически неизвестна широкой общественности, забыты его блестящие литературные труды, наконец, историками негативно оценена его роль в событиях 1812 года. Главной причиной этого следует назвать остроту вопроса, почему была сдана древняя столица России? Кто был виновен в том, что без боя был оставлен один из двух крупнейших экономических, политических, культурных и военных центров империи, к тому же находящийся в значительном удалении от границы? Если исключить военный гений Наполеона, то логически вытекают два виновника – Ростопчин и Кутузов. Французский историк Иоганн Шницлер еще в 60-х годах XIX в. почувствовал значимость личностного вопроса, назвав свою книгу об Отечественной войне «Ростопчин и Кутузов»¹. Л.Н. Толстой в третьем томе «Войны и мира» изобразил Ростопчина как человека, постоянно интриговавшего против Кутузова и создававшего помехи его гениальным планам². Не остались в стороне и ученые-историки. Если Н. Ф. Дубровин заявлял, что вся трагичность ситуации конца августа-начала сентября 1812 г. проистекла из-за скрытности и хитрости Кутузова³, то в последующем возобладала противоположная точка зрения. А. Н. Попов полагал, что Кутузов имел полное право игнорировать Ростопчина и даже обманывать его, т. к. последний не оправдал его надежд на достаточную помощь войскам⁴. Е. В. Тарле считал, что московский генерал-губернатор всячески мешал распоряжениям Кутузова, интриговал против него, доносил царю, а потому фельдмаршал имел полное право игнорировать Ростопчина при принятии важнейших решений⁵. Советские историки пошли дальше, обвинив московского генерал-губернатора не только в некомпетентности, но и в личной неприязни к Кутузову, выразившейся в неудовлетворительной организации снабжения отступающей русской армией. По мнению таких авторов, как П. Я. Алешкин, Л. Г. Бескровный, П. А. Жилин, и ряда других, решение Кутузова оставить древнюю столицу России неприятелю, было вызвано неподготовленностью Москвы к обороне⁶. Таким образом, с главнокомандующего полностью снималась ответственность за гибель москвичей, уничтожение громадных материальных ценностей и разорение богатейшего города империи. Известно и неприязненное отношение Ростопчина к Кутузову после окончания войны. В «Воспоминаниях о 1812 году» граф с

нескрываемым сарказмом отзывался о победителе Наполеона, обвиняя его в искусственном затягивании переговоров с турками в 1812 г. ради получения личной выгоды, и называя большим краснобаем, постоянным дамским угодником, дерзким лгуном и низкопоклонником⁷. В другом сочинении граф писал, что на всех портретах Кутузов был похож на плута, никогда на спасителя⁸. Последнее обстоятельство служило бы реальным подтверждением справедливости приведенных оценок, если бы не ряд фактов, позволяющих заключить, что враждебность Ростопчина к Кутузову всего лишь вымысел историков, вызванный во многом стремлением создать из главнокомандующего непогрешимого полководца и национального героя.

Судьба сводила Ростопчина и Кутузова не один раз. Кутузов, будучи в девяностых годах восемнадцатого века директором Сухопутного кадетского корпуса, находился в подчинении у Ростопчина, заведовавшего всеми военными делами у Павла I. Теперь, в августе 1812 г., ситуация поменялась. Как только русские войска вступили в пределы Московской губернии, главнокомандующий Москвы поступил в подчинение главнокомандующего армиями.

Переписка Ростопчина и Кутузова в августе 1812 года свидетельствует о связывавших их дружеских отношениях. Кутузов даже просил графа позаботиться о своей дочери и внуках, находившихся в Первопрестольной. До определенного момента в их взаимоотношениях не было даже намека на вражду. К тому же своим назначением главнокомандующим Кутузов во многом был обязан Ростопчину, и вероятно он знал об этом. Об этом свидетельствует письмо генерал-губернатора к Александру I от 6 августа: «Государь! Ваше доверие, занимаемое мною место, и моя верность дают мне право говорить Вам правду, которая, может быть, и встречает препятствие, чтобы доходить до Вас. Армия и Москва доведены до отчаяния слабостью и бездействием военного министра, которым управляет Вольцоген. В главной квартире спят до 10 часов утра; Багратион почтительно держит себя в стороне, с виду повинуется и по видимому ждет какого-нибудь плохого дела, чтобы предъявить себя командующим обеими армиями... *Москва желает, государь, чтобы командовал Кутузов и двинул Ваши войска, иначе, Государь, не будет единства в действиях, тогда как Наполеон сосредоточивает все в своей голове. Он сам должен быть в большом затруднении, но Барклай и Багратион могут ли проникнуть в его намерения?* (курсив мой. – М. Г.)»⁹.

Как видно Ростопчин не докладывал царю, как следовало бы чиновнику, а требовал от него назначения Кутузова! Именно это игнорировалось исследователями. Например, в сборнике документов «М. И. Кутузов» был приведен только отрывок письма, выделенный выше курсивом, что значительно искажало смысл¹⁰. По меньшей мере, странно полагать, что московский генерал-губернатор стал бы просить назначения на высшую армейскую должность ненавистного ему человека. Вскоре Александр I написал своей сестре великой княгине Екатерине Павловне, что назначил Кутузова главнокомандующим именно под влиянием послания Ростопчина¹¹.

Также весьма спорной, на мой взгляд, является точка зрения о неподготовленности Первопрестольной к обороне. Известно, что именно в Московской губернии под непосредственным руководством Ростопчина было сформировано наибольшее в России ополчение – 32 тысячи, из которых не менее 19 тысяч ратников приняли непосредственное участие в Бородинском сражении. Но и остальные москвичи могли оказать помощь армии. Еще 18 августа генерал-губернатор публично объявил о свободной продаже оружия из запасов арсенала. Причем цена на него была значительно (в 30-40 раз!) ниже, чем рыночная. Таким образом, любой москвич, желавший вооружиться, мог свободно сделать это¹².

Ростопчиным активно пропагандировалась идея священной народной битвы у стен Москвы. По его замыслу, когда русская армия вступила бы в решающую схватку с неприятелем, на помощь ей пришли бы вооруженные горожане, которые смогли бы отвлечь на себя часть французских войск. Последняя идея не была безумной фантазией графа. С Ростопчиным были полностью согласны Багратион¹³ и Кутузов¹⁴. 31 августа, после знаменитого ростопчинского «Возвращения на Три Горы» туда, по воспоминаниям современников, явились несколько десятков тысяч москвичей¹⁵. Сражение под Москвой должно было стать именно народной битвой, битвой единения горожан-патриотов и армии.

Одним из заблуждений, кочующим из издания в издание, является заключение о том, что Ростопчин обещал Кутузову предоставить возле Москвы восемьдесят тысяч новых ополченцев, жителей города и губернии. Это дало основание заявлять о будто бы хвастливом поведении и даже об обмане Ростопчина, на основании ложных заявлений которого Кутузов неверно оценил возможности обороны Москвы, что и дало фельдмаршалу моральное право в дальнейшем игнорировать генерал-губернатора при принятии важнейших решений. Первым, кто назвал в документе цифру в восемьдесят тысяч, был Александр I, полагавший после беседы с Ростопчиным, что Москва и губерния выставит дополнительное ополчение¹⁶. Позже эта цифра неоднократно повторялась авторами, как положительно, так и отрицательно, относившимися к генерал-губернатору, и ни разу не подвергалась сомнению. Однако, на мой взгляд, имеются основания сделать это, полагая, что в данном случае произошла банальная путаница понятий. Ростопчин, царь и Кутузов, говоря о «дружине московской», вкладывали в этот термин совершенно разные значения. Для начальника первого округа народного ополчения, включавшего кроме Московской, еще целый ряд окрестных губерний, и Тверское, и Рязанское, и Владимирское ополчения являлись ничем иным, как московской военной силой, которая, по приблизительным расчетам, могла насчитывать за исключением непосредственно московского земского войска никак не меньше восьмидесяти тысяч ратников, о чем Ростопчин уверенно сообщал и императору, и позже Кутузову. Но и для Александра I, и для будущего фельдмаршала термин «московская» означал – сформированная непосредственно в Москве и столичной губернии. Поэтому можно рассматривать как вполне искренние и обещания Ростопчина, лучше других знавшего истинные возможности губернии, и недоумение Кутузова, полагавшего, что под стенами древней столицы он найдет восемьдесят тысяч вооруженных москвичей.

Неверным является и мнение, будто Ростопчиным не выполнялись требования Кутузова по снабжению русской армии продовольствием, транспортом, оружием и боеприпасами. Скорее надо признать, что некоторые запросы главнокомандующего следует назвать, по меньшей мере, странными, отнимавшими время и средства. Так требование от 27 августа, то есть когда Бородинское сражение уже было закончено, о присылке в войска шанцевого инструмента являлось бессмысленным как в случае, если фельдмаршал не собирался вовсе давать новое сражение у стен Москвы, и странным – в противном, ведь тогда разумнее было бы приготовить инструмент в городе и подвезти его непосредственно на место будущей битвы.

Интересной представляется позиция Ростопчина. Главнокомандующий в Москве с самого начала войны внимательно отслеживал возможность военной опасности для города. Первоисточником таких выводов для него являлись сводки боевых действий и личная переписка с Барклаем де Толли и Багратионом. Но, понимая всю опасность односторонней информации, граф в конце июля направил в армию титулярного советника Вороненко, одной из основных целей деятельности которого был сбор сведений об истинном состоянии дел¹⁷. Таким образом, совокупность получаемых из разных источников сведений позволяла Ростопчину даже 12 августа не предполагать возможности приближения неприятеля к столице. Впрочем, осторожность не изменяла ему, и тем же днем он писал Багратиону о намерении начать эвакуацию казенного имущества, если русская армия отступит к Вязме¹⁸. События следующих дней изменили его оценку. Хотя назначение Кутузова умножило чаяния Ростопчина на счастливое для русского оружия продолжение войны, отступление продолжалось. Кутузов же сразу после прибытия к армии писал Ростопчину о намерении защищать столицу¹⁹. Сам граф неоднократно запрашивал Кутузова о судьбе Москвы. И это было не досужее любопытство, а попытка высшего должностного лица узнать участь подведомственного города.

Практически ничего не зная о планах нового главнокомандующего, генерал-губернатор 18 августа отдал распоряжение о начале подготовке к эвакуации некоторых казенных ведомств, оговариваясь, что вывоз имущества следует начать после особого указания²⁰. Но для более четких и последовательных действий Ростопчину требовалось знать наверняка о судьбе подведомственного города, тем более что с момента вступления русской армии в пределы Московской губернии, он попадал в непосредственное подчинение военному командованию. Впрочем, еще оставались большие надежды на генеральное сражение.

Накануне его 21 августа Кутузов писал Ростопчину: «Все движения были до сего направляемы к сей единой цели и к спасению первопрестольного града Москвы, – да благословит всевышний сии предприятия наши...»²¹. Как видно из переписки, Кутузов старательно избегал вопроса об участии Москвы, ограничиваясь лишь выражением намерений. Не было дано и указаний насчет эвакуации казенного имущества.

Сам Ростопчин, скорее всего, уже сильно сомневался в намерении главнокомандующего защищать древнюю столицу, о чем он 24 августа писал нижегородскому губернатору П. А. Толстому²². Не наступила определенность и после окончания Бородинского сражения. Вечером 26 августа Кутузов отправил генерал-губернатору письмо, в котором сообщал о намерении продолжать сражение на следующий день и просил предоставить ему пополнение²³. Вообще этот день можно назвать переломным во взаимоотношениях Кутузова и Ростопчина. Именно с 26 августа требования главнокомандующего к генерал-губернатору приняли по меньшей мере издевательский тон. В указанном письме Кутузов не только не предупредил Ростопчина о своем намерении отступить, но и требовал немедленной присылки пополнения, которое, даже если бы оно немедленно вышло из Москвы, не пришло бы к войскам ранее последних чисел августа.

Тем временем, после одержанной, по словам главнокомандующего, победы над Наполеоном, русская армия отступала к Москве, хотя это отступление больше походило на бегство. В пользу этого свидетельствуют и скорость передвижения – 110 километров за 5 дней и ужасный беспорядок, царивший в войсках. Как вспоминал Барклай де Толли, в эти дни части отступали хаотично, без всякой диспозиции, без командиров, повинувшись общему направлению движения. Хаос достиг такого размаха, что среди армии невозможно было найти даже Главный штаб²⁴. Ежедневно тысячи солдат покидали свое расположение, чтобы предаться грабежу, о чем свидетельствует переписка между Кутузовым и Ростопчиным, предпринимавшим все возможные меры для его пресечения. 30 августа русская армия подошла вплотную к столице. Московский генерал-губернатор немедленно отправился к фельдмаршалу. Ординарец Кутузова князь А. Б. Голицын так описывал их свидание в деревне Мамоново: «После разных обоюдных комплиментов, говорено о защите Москвы. Решено было умереть, но драться под стенами ее. Резерв должен был состоять из дружины Московской с крестами и хоругвями. Ростопчин уехал с восхищением и в восторге своем, как не был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл. Кутузову нельзя было обнаружить прежде времени под стенами Москвы, что он ее оставит, хотя он намекал в разговоре Ростопчину»²⁵. Из воспоминаний близкого к Кутузову человека мы можем выяснить очередную странность в поведении фельдмаршала. Даже в эти критические для Москвы дни он не сообщил своих планов ее генерал-губернатору, то есть должностному лицу, от которого, напротив, нельзя было ничего скрывать, так как от его личного участия во многом зависела военная удача армии.

В последние дни августа не было более ревностного сторонника защиты Москвы, чем Ростопчин. В свете этого становится ясной причина появления «Воззвания на Три Горы» и сбора вооруженных горожан 31 августа. Уже не веря в то, что Кутузов будет защищать древнюю столицу, генерал-губернатор надеялся повлиять на него демонстрацией силы готовых к битве москвичей.

Следует отвергнуть мнение о двуличности московского генерал-губернатора, который будто бы писал свое «Воззвание на Три Горы» и созывал народ на битву в погоне за популярностью и для создания лжепатриотического эффекта, чем обманул москвичей, так как никакого народного сражения не планировал и сам не собирался в нем участвовать. В пользу этого свидетельствовали, в основном, упомянутые С. Глинкой слова графа: «У нас на трех горах ничего не будет»²⁶. Но такая версия верна лишь в том случае, если исследователем заранее принят в качестве основы для выводов тезис о низких моральных качествах Ростопчина. Если же рассматривать московского генерал-губернатора как реально оценивающего ситуацию деятеля, то становится ясно, что эти слова выражают его большие сомнения в намерении фельдмаршала воспользоваться помощью горожан. Граф прекрасно понимал, что при любых обстоятельствах без поддержки армии, патриотическая инициатива москвичей может привести лишь к кровавой бойне и этим можно объяснить и его неявку на Три Горы. Ростопчин не хотел приободрять собравшихся своим появлением ведь именно его

видели вождем москвичи. Генерал-губернатор не появился, москвичи разошлись, и возможно это обстоятельство спасло многим из них жизнь²⁷. И не вина Ростопчина в том, что Кутузов пренебрег патриотическими чувствами горожан.

Еще одним важным доказательством намерения Ростопчина защищать Первопрестольную является то обстоятельство, что на фоне развернувшейся масштабной эвакуации казенных учреждений и ценностей, только арсенал, и это бросалось в глаза, не был подготовлен к вывозу, а продолжал свою работу, что явно свидетельствовало: в день сражения он будет исправно снабжать армию оружием и боеприпасами. Даже сама эвакуация подтверждала возможность сражения, а не сдачи Москвы. Генерал-губернатор мог предполагать, что бой возможно перекинется и на городские улицы и потому заранее начал вывоз казенного имущества.

Дальнейшие события, и в первую очередь то, что Ростопчин не был приглашен на Военный совет в Филях²⁸, показывает, насколько Кутузов опасался выступления на нем графа, превосходно знавшего возможности обороны столицы, и, кроме того, отличного оратора, способного увлечь за собой большую часть генералов. Об оставлении Москвы Ростопчин был извещен поздно вечером 1 сентября. Тогда же возмущенный вероломством Кутузова он отправил императору письмо, из которого Александр I и узнал о судьбе Первопрестольной²⁹.

Все это доказывает, что никакого бездействия или тем более саботажа со стороны генерал-губернатора не было, потому и не имелось у Кутузова никакого морального права игнорировать и даже прямо обманывать Ростопчина. В случае окончательного решения дать сражение под Москвой Кутузов должен был дать исключающий варианты ответ, о чем и просил его Ростопчин. В этом случае план главнокомандующего не вступал бы в противоречие ни с мыслями московского генерал-губернатора, ни царя, ни армии, ни, тем более, русского народа. Еще более странным было ожидать от них противодействия. Наоборот, зная деятельный характер Ростопчина, можно предположить, что соответствующее извещение было бы тотчас распространено по городу через афиши и немедленно были бы начаты приготовления к битве. Нельзя забывать, что в данном случае на кону стояли не дворцовые интриги и не личные отношения двух влиятельных господ, а судьбы и интересы государства, жизнь и имущество многих людей. Однако есть основания предполагать, что подобная скрытность Кутузова была вызвана отсутствием у него четкого плана действий, по крайней мере, до 1 сентября. Известно, что 21 августа Кутузов сообщал Ростопчину об одной из главных своих целей – «спасении первопрестольного града Москвы». На следующий день он писал графу: «...и ежели буду побежден, то я пойду к Москве, и там буду оборонять столицу»³⁰. Уже после Бородино, 27 августа, фельдмаршал прямо заявил о дальнейших намерениях: «...притянув к себе столько способов, сколько можно только получить у Москвы выдержать решительную, может быть, битву»³¹. В последних числах августа фельдмаршал пытался подтянуть к Москве армейские резервы³². Все это могло бы свидетельствовать о намерении Кутузова дать сражение под Москвой. Однако подобный вариант развития событий можно отвергнуть в силу простой логики. Странно, что опытный полководец, зная трудности с выбором достойной позиции для сражения, с которыми уже столкнулся один раз, зная все недостатки ландшафта средней полосы, заранее не позаботился об ее выборе. В этом случае еще вечером 26 августа, а, в крайнем случае, утром 27 он уже должен был направить к Москве соответствующих офицеров, которым доверял, а не Беннигсена, выехавшего позже. Миссия Беннигсена была заранее обречена, хотя бы в силу враждебных отношений с фельдмаршалом. Выбранную позицию, а ведь предстояла решительная битва, следовало заранее укрепить, и в этом деле не могло быть более способного помощника, чем московский генерал-губернатор, располагавший соответствующими возможностями. В этом случае, под Москвой русская армия обладала бы прекрасной и хорошо укрепленной позицией. Но подобных распоряжений от Кутузова не поступало, и это довольно странно для опытного и способного полководца, каковым его принято считать.

Рассмотрим другую версию развития событий: главнокомандующий заранее предполагал оставить Москву. Однако Первопрестольная не шахматная фигура. Для подобной жертвы Кутузов должен был иметь достаточные основания. Согласно его же версии, изложенной в письме Александру I от 4 сентября³³, существовали три причины для подобного

решения: необходимость сохранить армию, спасти от разрушения столицу и фланговый маневр, перекрывавший сообщения французской армии и сохраняющий коммуникации русской. Данные основания не выдерживают критики. Известно, что если при Бородине русские войска имели, более чем 20 тысячный перевес над французами³⁴, то после битвы, где по данным русской стороны неприятель потерял от 50 до 58 тысяч человек, Наполеон располагал в лучшем случае чуть больше чем 80-тысячной армией, а Кутузов с потерями в 45,6 тысяч имел около 90 тысяч солдат и офицеров. Численность, как русских, так и французов к 1 сентября не могла значительно измениться, так как не было ни одного крупного боя. Кутузов наверняка знал, что в ближайшие дни к Москве подойдут земские полки окрестных губерний первого округа народного ополчения. Предположение, что он не имел подобных сведений, говорит о его неспособности к руководству армией. Московским генерал-губернатором была предложена помощь нескольких десятков тысяч вооруженных москвичей, которые хоть и не имели серьезных боевых качеств, однако вполне были способны отвлечь на себя некоторое число неприятельских солдат. И, наконец, надо отметить, что в данном сражении немалое значение имело бы моральное состояние армии, которая, сражаясь за священный для русских город, наверняка проявила бы еще более высокие боевые качества, чем при Бородине. Именно такое благоприятное стечение обстоятельств Кутузов принимает за невыгодное. В этом случае очевидно одно из двух, или главнокомандующий панически боится нового сражения с Наполеоном, или за пять дней после Бородинского сражения численность и боеспособность русской армии значительно изменилась за счет дезертирства и падения дисциплины. О последнем свидетельствует как переписка самого Кутузова, так и Ростопчина и воспоминания некоторых других участников событий. Но в таком случае опровергается распространенный вывод о моральной победе русских при Бородине. Высокий моральный дух, дезертирство и мародерство не являются совместимыми понятиями. В любом случае способность Кутузова управлять ситуацией вызывает много вопросов, или он обманул царя и всю Россию своим заявлением о победе, или он совершенно не контролировал вверенную ему армию.

Также возникает вопрос, почему Кутузов боялся или не желал сообщать об оставлении Москвы императору до 4 сентября? Наиболее вероятны две версии: первая – он специально тянул время, чтобы без вмешательства посторонних лиц осуществить давно задуманный план; вторая – он просто не знал, как дальше повернутся события, то есть не имел никаких планов, и ждал благоприятной ситуации, чтобы иметь возможность отрапортовать царю. Впрочем, первая версия опровергается простым размышлением: имея рядом Ростопчина и Беннигсена, он должен был понимать, что о любом его решении немедленно сообщат императору. Даже если бы Александр I пожелал воспрепятствовать действиям главнокомандующего, у Кутузова в запасе имелось несколько дней, затраченных на перемещение курьеров, за которые он мог осуществить любое мероприятие. Следует отметить и определенную неразбериху в приказах Кутузова различным полкам, относительно направления дальнейшего движения армии. Из Москвы части выводились, как по Рязанской, так и по Владимирской дороге. 1 сентября Кутузов предписывал Лобанову-Ростовскому направить вновь сформированные полки во Владимир³⁵. На владимирскую дорогу был отправлен и полк генерал-лейтенанта А. А. Клейнмихеля³⁶. Создается впечатление, что главнокомандующий не нуждался в пополнении. Но самое большое сомнение вызывают его распоряжения в Калугу. Так, 28 августа Кутузов отослал калужскому губернатору П. Н. Каверину распоряжение об эвакуации казенного имущества в Москву³⁷. 29 августа Кутузов приказал генерал-майору Н. А. Ушакову с 8 батальонами пехоты и 12 эскадронами кавалерии выступить через Серпухов к Москве³⁸, то есть на тульскую дорогу. 1 сентября последовало новое распоряжение Ушакову: вести войска на рязанскую дорогу³⁹. Странно, что полководец, собиравшийся вести войска на тульскую дорогу, приказал Ушакову не ждать его под Подольском, а сделать значительный крюк на рязанскую дорогу. Все это говорит об отсутствии какого-либо плана у Кутузова, по крайней мере, 1 сентября, то есть до дня принятия решения о сдаче Москвы.

Сама идея флангового маневра осложнялась важным обстоятельством: русская армия должна была ускользнуть от неприятеля. Как сделать незамеченным перемещение нескольких десятков тысяч вооруженных людей на пространстве громадной русской равнины? На мой взгляд, ответ на этот вопрос пришел в голову Кутузову только 4 сентября, и для такого вывода

имеется одно важное обстоятельство. Именно в этот день, когда русская армия оказалась возле Боровского перевоза, фельдмаршалу открылись уникальные возможности ландшафта этих мест. Во-первых, переправа через Москву-реку значительно снижала возможности активных действий для преследовавших французских войск. Во-вторых, русская армия после переправы сразу же скрывалась от глаз неприятеля за покрытым лесом гигантским Боровским курганом, вытянувшимся вдоль Москвы-реки на несколько километров. В этом случае, даже небольшое столпотворение возле переправы создавало иллюзию присутствия армии, которая в тоже время незаметно уходила на запад. Именно этим днем датированы несколько распоряжений Кутузова относительно движений войск на тульскую дорогу и обманном маневре по рязанской. И именно в этот день, окончательно разобравшись в ситуации, он послал донесение об оставлении Москвы Александру I. Заслуга фельдмаршала в том, что он сумел верно оценить возможности местности. Однако это же позволяет предположить, что из Москвы он отступил без всякого плана.

Таким образом, очевидно, что действия Ростопчина в эти дни носили более последовательный характер. Из приведенных рассуждений следует, что именно Кутузов, а не Ростопчин переступил нравственную черту. Критические обстоятельства того времени требовали полного взаимодействия между главнокомандующим армией и военным губернатором в таком вопросе как защита одного из важнейших городов империи. Должны были быть исключены даже малейшие недомолвки, не говоря уже об обмане и сокрытии планов. В этом случае именно позиция Кутузова порождает недоверие и стала причиной масштабной трагедии. Как ни странно, такой образ мышления фельдмаршала не только не вызвал осуждения историков, но и получил оправдание. Однако объективный анализ обстоятельств оставления Москвы русскими войскам в 1812 г. ставят перед всеми нами сложный вопрос о моральных качествах человека, который считается спасителем России.

В ходе конференции в мой адрес поступило несколько замечаний, на одном из которых хотелось бы остановиться.

Кутузов будто бы специально не сообщал Ростопчину о намерении оставить Москву, так как боялся, что генерал-губернатор в этом случае подожжет город, вследствие чего Наполеон не войдет в Белокаменную, а продолжит преследовать русскую армию, что помешает планам фельдмаршала. Мне полагается лишеным смысла предположение, что 2 сентября 1812 г. у солдат наполеоновской армии была какая-либо иная цель, более значимая, чем захват Москвы. Даже пожар не мог стать помехой для прошагавших сотни километров по России завоевателей. Не секрет, что Москва уже горела, когда французы находились на Поклонной горе. Известно, что Наполеон на тот момент видел своей главной задачей далеко не разгром русской армии, а именно захват священного русского города. Таким образом, данное предположение свидетельствует лишь о гибкости ума историков, пытающихся приспособить миф о гениальном плане Кутузова к изменившейся общественно-политической обстановке.

Фрагменты дискуссии, развернувшейся на конференции после выступления М. В. Горностаева (стенограмма).

Безотосный В. М. (к.и.н., зав. отделом Государственного Исторического музея). Я во многом солидарен с тем, что Вы сказали. Но, позвольте высказать пару слов-рассуждений. Во-первых, Ростопчин не был боевым генералом, и с этой точки зрения пользы от него на военном совете было бы очень мало. Во-вторых, то, что Ростопчин собирался вывести несколько тысяч вооруженных, но не организованных людей, это вред для любой регулярной армии. И третье, воля главнокомандующего – кого приглашать на военный совет. Туда не был приглашен не только Ростопчин, там не были Платов, Багговут – из таких крупных военачальников, которые были в это время в армии. Если мы возьмем военные советы, которые были до Филей, то приглашались или родственники царя, или флигель-адъютанты, типа Вольцогена. Возьмите Витебск, возьмите Вильно, то же самое. Главнокомандующий принимал решение в то время, кого вызывать на военный совет, и принимал решение, что и

кому говорить. Он наверняка предполагал, что генерал-губернатор и главнокомандующий в Москве Ростопчин будет за сражение. Но я не уверен, что его точка зрения в тот момент была такова. Дать или не дать сражение – Кутузов, наверняка, колебался. Поэтому ему лишние люди не были нужны. А что касается моральной ответственности, то я думаю, что в любом случае моральная ответственность лежит на Кутузове, а не на Ростопчине.

Горностаев М. В. Все дело в том, что меня интересовал прежде всего нравственный вопрос. 29 августа состоялась встреча Ростопчина и Кутузова. И ординарец Кутузова Голицын оставил воспоминания, в которых говорилось, что Кутузов и Ростопчин много говорили об обороне города. Но при этом Ростопчин, насколько бы он ни был умен, все-таки не догадался, что Кутузов намерен город оставить. Это первый момент. И второй момент. Мне представляется странным, что в ситуации, когда решается судьба города, не приглашается человек, который реально держит все бразды управления в этом городе, который знает возможности арсенала, возможности защиты. Мне это представляется достаточно странным.

Кроме того, я не уверен, что у Кутузова до 1 сентября вообще имелись какие-то планы дальнейших действий.

Безотосный В. М. Нет, у него дилемма была – сдавать или не сдавать город, давать сражение или не давать сражение.

Ивченко Л. Л. (*к.и.н., зав. отделом Государственного музея А. С. Пушкина*). Вы только что как минимум провозгласили с высокой трибуны очень много полемических положений. При этом в ходе Ваших рассуждений Вы не ссылаетесь ни на один источник.

Безотосный В. М. Это трудно сделать в докладе, надо прочитать текст.

Ивченко Л. Л. Говорят, что Кутузов скрывал от Ростопчина свои намерения, и что для Ростопчина и для московских жителей полной неожиданностью была сдача Москвы. Вы помните письмо Ростопчина Багратиону, что оставление русскими войсками Вязьмы будет Ростопчиным принято как официальное предупреждение об эвакуации города? И с этого момента он начинает вывозить из Москвы все. Второе. При том, что Вы ссылаетесь на многие источники, трактующие личность Ростопчина, как Вы оцениваете психо-эмоциональные особенности его натуры? И сразу – Ваш комментарий к статье Тартаковского «Обманутый Герострат», связанный с этим вопросом. Это связано напрямую с причиной того, что Кутузов как бы изолировал Ростопчина. Я считаю это важным моментом, который Вы должны были откомментировать. Не Кутузов предполагал жечь Москву, а Ростопчин. И Кутузову нужна была Москва для того, чтобы оторваться от преследования; на этом завязан весь план Кутузова. Все, кто окружал Кутузова, знали, что после сражения Кутузову нужна была кратчайшая прямая дорога через Москву. Никакой народ с рогатинами на этой дороге стоять не мог, потому что Ростопчину пришлось бы отвечать. Он не мог шантажировать этим Кутузова, оказывать давление, как Вы пишете. Потому что ему пришлось бы отвечать перед главнокомандующим по законам военного времени, – почему он преградил дорогу через Москву. И второе. Конечно же, Кутузову нужно было бы пройти через Москву и он опасался, что Москва, как обещал Ростопчин с самого первого дня приезда Кутузова в армию, запылает перед носом у французов. Этого Кутузов хотел избежать. А Ростопчин, как Вы помните, делал широковещательные заявления по этому поводу. А постольку поскольку Екатерина II звала Ростопчина «сумасшедший Федька», и Кутузов знал об этом, я считаю психо-эмоциональное состояние Федора Васильевича важным вопросом.

Горностаев М. В. Почему-то уделяется очень много внимания психо-эмоциональному состоянию Ростопчина. Существует мнение о том, что Ростопчин был нехорошим человеком, не очень умным, не вполне компетентным. Все это началось после опубликования 3-го тома романа «Война и мир», – в нем впервые Ростопчин был показан как отрицательный персонаж. Это вызвало большое возмущение современника П. А. Вяземского, считавшего, что это все неправда; говорившего, что «я хотя и не любил Ростопчина в 1812 году, но он был честным, очень смелым человеком».

Ивченко Л. Л. Вы цитировали письмо, в один и тот же день он пишет письмо Багратиону, ... где называет Барклая изменником; а потом в своих записках пишет, что Багратион распускает слухи о том, что Барклая считает изменником. И в этот же почти день он предлагает Александру Первому объявить обоим, чтобы они отправлялись в свои губернии, а он за все будет отвечать.

Горностаев М. В. Ростопчин в Павловское время был одним из первых людей, и он так сильно интриговал, что за это и пострадал. Это вызвало причину его отставки. То есть в нормах людей того времени было за спиной «стучать» друг на друга. И в данной ситуации Багратион ему писал нехорошие вещи, как о Кутузове, так и о Барклае.

Ивченко Л. Л. Мы с Вами пришли к тому, с чего начали. Когда мы сопоставляем личности Ростопчина и Кутузова и утверждаем, что надо говорить о моральности одного, не будем забывать, что второй – тоже не ангел. И Кутузов мог вполне его опасаться. Потому что Ростопчину была присуща определенная эксцентричность его натуры, и забывать об этом нельзя, – человек он был очень эксцентричный. Вы знаете переписку (?) Ростопчина, в которой идет речь о том, что ему «помешали стать римлянином». Он сам написал об этом жене...

Горностаев М. В. Давайте говорить с точки зрения отвлеченных нравственных понятий. Оставление Москвы это, прежде всего, не вопрос взаимоотношений Ростопчина и Кутузова. Это вопрос гигантских материальных ценностей и жизни людей, то есть сигнал об эвакуации должен был поступить именно от Кутузова. Ничего бы здесь такого не произошло. Я думаю, что Кутузов бы не сломался, если бы он хотя бы за неделю сообщил, что есть вероятность оставления Москвы...

Безотосный В. М. О чем Вы говорите?! Это решение военного совета, только после этого Кутузов мог...

Горностаев М. В. Но Вы же сами сказали, что все зависело от воли Кутузова. И мы знаем...

Безотосный В. М. В том то и дело, что у него слишком мало было вариантов. Решение военного совета стало легитимной основой оставления Москвы. До этого у него такого легитимного решения не было. Он специально собрал военный совет.

Горностаев М. В. И мы знаем, что на военном совете все-таки основным стало его мнение.

Безотосный В. М. Ничего подобного! Он столкнул лбами двух генералов, фактически два мнения. И после этого выступил, как бы «над схваткой» и дал свое резюме, только после этого. Ему важно было, чтобы не он первый сказал: «Москва должна быть оставлена». И он, выслушав мнения генералов, принял решение...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Schnitzler J. H. Rostoptchine et Koutousof. Paris, 1863.

² Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1986. Т. 3, с. 288-291, 305-310, 351-364.

³ См.: Дубровин Н. Москва и граф Ростопчин в 1812 году.// Военный сборник, 1863, № 7-8.

⁴ См.: Попов А. Н. Москва в 1812 году.// РА, 1875, № 9-11.

⁵ См.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год.// Собрание сочинений. М., 1959. Т. 7, с. 591-598.

⁶ См.: Алешкин П. Я. Московское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1950; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962; Гарнич Н. Ф. 1812 год. М., 1956; Жилин П. А. Контрнаступление

русской армии в 1812 году. М., 1953; Кудряшов К. В. Москва в 1812 году. М., 1962; Полосин И. И. Кутузов и пожар Москвы.// Исторические записки. М., 1950. Т. 34.

⁷ Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 году.// Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992. С. 262, 287.

⁸ Ростопчин Ф. В. Из путевых записок 1815 г.// Ростопчин Ф. В. Ох, французы..., с. 237.

⁹ РА, 1892, № 8, с. 443-444.

¹⁰ М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 73.

¹¹ Там же, с. 74-75.

¹² Подробнее вопрос формирования ополчения первого округа рассмотрен в моей статье: К вопросу о «вине» Ф. В. Ростопчина в оставлении Москвы русскими войсками в 1812 г.// Эпоха наполеоновских войн-2002. С. 31-44.

¹³ «Мне кажется, иного способу уже нет, как, не доходя двух маршей до Москвы, всем народом собраться и что войска успеет, с холодным оружием, пиками, саблями и что попало соединиться с нами и навалиться на них» (Цит. по: Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.). М., 1882. С. 75).

¹⁴ «Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения вооружающихся добровольно сынов отечества есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей московских к их начальнику, их оживляющему. Ваше сиятельство без сомнения оный поддерживаете так, чтобы армия в доверенность успехов своих могла при случае ими воспользоваться, и тогда попрошу я ваше сиятельство направить их к Можайску» (Цит. по: М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 90).

¹⁵ Бестужев-Рюмин А. Д. Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году. М, 1859. С. 75.

¹⁶ См.: Михайловский-Данилевский А. Описание Отечественной войны 1812 года по высочайшему повелению. СПб., 1843. Ч. 1, с. 242.

¹⁷ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3465, ч. 2, л. 322.

¹⁸ Два письма графа Ф. В. Ростопчина к князю П. И. Багратиону. М., 1895. С. 257.

¹⁹ «С сокрушенным скорбным сердцам извещаю я, что увеличенные, насчет действий армий наших, слухи, рассеиваемые неблагонамеренными людьми, нарушают спокойствие жителей Москвы и доводят их до отчаяния. Я прошу покорнейше в. с. успокоить и уверить их, что войска наши не достигли еще до того расслабления и истощения в каком может быть стараются их представить. Напротив того, все воины, не имев еще донныне генерального сражения, оживляясь свойственным им духом храбрости, ожидают с последним нетерпением минуты запечатлеть кровию преданность свою к августейшему престолу и отечеству. Все движения были доселе направлены к сей единой цели и к спасению первопрестольного града Москвы...» (Цит. по: Дубровин Н. Москва и граф Растопчин в 1812 г. // Военный сборник. 1863. № 7, с. 148).

²⁰ РГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 2, д. 2656, л. 4-5.

²¹ М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 120.

²² «...Положение Москвы дурное. Армия наша 13 верст от Можайска. Гжать занята французами... Кутузов пишет, что даст баталию и другой цели не имеет, как защищать Москву. Неприятель не имеет провианта и от отчаяния идет на Москву, обещая в ней золотые горы. Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мужчины женского пола уехали» (См.: РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 14973, л. 68).

²³ М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 151.

²⁴ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 3465, ч. 4, л. 405.

²⁵ Там же, л. 4.

²⁶ Для большей точности следует полностью процитировать слова Ростопчина к С. Глинке: «У нас на трех горах ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву» (Цит. по: Глинка С. Н. Из записок о 1812 году. // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 414). Это еще раз подтверждает вывод, что созыв москвичей имел скорее пропагандистский характер, средством морального воздействия как на военное руководство, так и на простой народ.

²⁷ Следует в этой связи рассмотреть отношение к судьбам простых москвичей М. И. Кутузова, который, как опытный полководец, несомненно, оценивал низкие боевые качества неподготовленных горожан, но, тем не менее, 30 августа предлагал Ростопчину отправить их к Звенигороду для сдерживания неприятельского корпуса (См.: М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 183-184).

²⁸ Ростопчин не был приглашен на военный совет, несмотря на требования русских генералов (См.: Глинка С. Н. Записки о 1812 году. СПб., 1836. С. 100).

²⁹ «Адъютант князя Кутузова привез мне письмо, в котором он требует от меня полицейских офицеров для сопровождения армии на рязанскую дорогу. Он говорит, что с сожалением оставляет Москву. Государь! Поступок Кутузова решает жребий столицы и Вашей империи. Россия содрогнется, узнав об отступлении города, где сосредоточивается величие России, где прах Ваших предков. Я последую за армией. Я все вывез. Мне остается плакать об участи моего отечества» (Цит. по: Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2, с. 287-288).

³⁰ М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 125-126.

³¹ Там же, с. 158-159.

³² Предписание Д. И. Лобанову-Ростовскому от 28 августа; Н. А. Ушакову от 29 августа. // М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 171, 177.

³³ Там же, с. 232-234.

³⁴ 157 тысяч у русских и 135 тысяч у французов по данным Н. А. Троицкого, позже им назывались немного уменьшенные цифры: 154,8 тысяч у русских и 133,8 тысяч у французов. (См.: Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 г. История темы. Саратов, 1991. С. 77-78; Отечественная история. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1, с. 276-277).

³⁵ М. И. Кутузов... Т. 4, ч. 1, с. 222.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 172.

³⁸ Там же, с. 177.

³⁹ Там же, с. 223.